

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В РУССКОЙ АМЕРИКЕ (XVIII в.—60-е гг. XIX в.)*

Светлана Борисовна БЕЛОГЛАЗОВА,
кандидат исторических наук

История становления образования на территории Дальнего Востока и Русской Америки с учетом региональных особенностей данного процесса представляет большой интерес для исследователей. В этой статье автор обобщает разрозненную и фрагментарную информацию по теме, вводит в научный оборот новые материалы.

В выбранный нами хронологический период Россия пережила первую модернизацию по европейскому образцу. Со времен Петра I «европеизация» страны стимулировалась государством. Реформа образования являлась составной частью процесса модернизации и играла ведущую роль в изменении цивилизационного облика российского общества. Усиление роли государственной власти во внутренней жизни страны привело к тому, что государственной политикой наряду с финансами, управлением, экономикой впервые становится образование.

В процессе социальных реформ в России насаждались заимствованные из Западной Европы готовые модели образовательных институтов. Формировалась система образования европейского типа, принципиально отличная от старомосковской школы. Указами 1714 г. в историю образования в России вводилось обязательное обучение мирян, которое рассматривалось как вид государственной повинности, возложенной в первую очередь на дворянское сословие. Отсюда повышенное внимание к распространению научных знаний и созданию школ. За короткое время в столичных городах и региональных центрах появились новые типы учебных заведений: общеобразовательные (цифирные и архиерейские) и профессиональные (навигацкие, горнозаводские, геодезические и др.) школы, ставшие важным фактором социокультурного и экономического развития как страны в целом, так и отдельных ее регионов.

Во второй половине XVIII в. правительство Екатерины II продолжило начинания Петра I, сосредоточив внимание на создании школьной системы в городах России и распространении образования среди дворянского и недворянских

* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН 05-III-E-11-023.

сословий. На основании «Генерального учреждения о воспитании обоего пола юношества» 1764 г. были открыты новые учебные заведения для дворян, образовательные учреждения для женщин, воспитательные дома для сирот. Создавалась новая школьная система, открывавшая возможности для получения образования представителям народа. Согласно Уставу народных училищ 1786 г. определен основной тип учебного заведения для непривилегированных сословий — четырехклассные и малые (2-классные) народные училища, которые должны были находиться в каждом губернском и уездном городе, включая Сибирь и Дальний Восток. Распространение образования в недворянских слоях населения России, среди так называемых разночинцев, явилось следствием реформ второй половины XVIII в.¹

Реформа начала XIX в., проводимая правительством Александра I, продолжила линию предшественников. В рамках либерального реформизма в 1803 г. утверждаются «предварительные правила народного просвещения», где озвучена цель реформы: перестройка всех звеньев образовательной системы «для нравственного образования граждан соответственно обязанностям и пользам каждого состояния». В результате появилась идея учреждения в стране четырех степеней учебных заведений.

«Устав университетов Российской империи» и «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» 1804 г. определяли 4-степенную структуру образования: приходские училища, губернские и уездные училища, гимназии и университеты.

Приходские училища открывались при церковных приходах в городской и сельской местности и задумывались как низшие школы для народа. Окончившие приходские училища могли поступить в уездные училища с двухгодичным сроком обучения, которые создавались для детей «свободных непривилегированных сословий» (главным образом купцов, ремесленников, зажиточных крестьян) в уездных и губернских городах. Эти типы учебных заведений давали начальное и повышенное начальное образование.

Гимназии с четырехлетним сроком обучения представляли собой тип средних общеобразовательных школ, предназначенных в основном для дворянства, но в александровскую эпоху могли поступать в них и представители зажиточных недворянских семей.

Высший уровень образования получали в университетах. По закону в университет поступали только с гимназическим аттестатом, но реально могли принять и без аттестата при условии успешной сдачи экзаменов.

Территории Дальнего Востока и Русской Америки по мере присоединения их к России и освоения русским населением втягивались в орбиту функционировавшей в стране образовательной системы. Первыми школами, появившимися в регионе, были горнозаводские и навигацкие.

В 20-х годах XVIII в. при Нерчинском сереброплавильном заводе открылась горнозаводская школа, в которой наряду с детьми горных служителей учились дети ссыльных каторжан. Преподавателями в классы назначали практиков производства или просто грамотных людей (в том числе ссыльных).

В 1758 г. утверждается типовой штат горнозаводской школы с трехлетним сроком обучения и содержанием учеников за счет казны. Учебная программа включала чтение, письмо, арифметику и геометрию, а также тригонометрию, пробирную и маркшейдерскую науки. Зачисленные в штат ученики обеспечивались одеждой и питанием, получали денежное содержание. В продуктовый набор, как правило, входили мука, крупы и соль. Денежное содержание учащегося составляло в словесном классе школы 1,8 руб., в классе арифметики и геометрии — 3 руб. и 4,8 руб. в классе тригонометрии, пробирной и маркшейдерской наук².

Пик развития горнозаводских школ приходится на 70—80-е годы XVIII в., когда такие учебные заведения открылись при всех заводах и рудниках Нерчинского горного округа³. Несмотря на то, что штаты учеников не всегда были полностью укомплектованы, количество учащихся в горнозаводских школах постоянно росло в результате развития самой горной отрасли края. Рост производительности труда на горнозаводских предприятиях — явное свидетельство эффективности работы школ. Только на одном Нерчинском заводе к 1764 г. подготовленные горнозаводской школой специалисты сумели поднять производительность труда в несколько раз⁴.

В 1788 г. в школах округа обучались 513 учеников, в том числе 476 — за казенный счет и 37 — за счет родителей⁵. Однако в 1788 г. вышестоящее руководство предписало начальнику Нерчинских заводов закрыть все школы, оставив только одну. Причины появления предписания требуют специального изучения. Возможно, оно стало следствием слишком прямолинейного исполнения положения Устава 1786 г. — одна школа для народа на губернию или уезд. В результате в 1789—1801 гг. в Нерчинском горном округе осталась только одна школа с 40 учениками, имевшая тенденцию к превращению в закрытое сословное учреждение, так как в ней обучали преимущественно детей горного начальства.

В марте 1801 г. было отмечено снижение общего профессионального уровня технического персонала и недостаток в специалистах: плавильщиках, маркшейдерах, писарях и др.⁶ Поэтому в том же году возобновили работу три школы при Кутомарском, Александровском и Шилкинском заводах.

Относительно даты открытия первой горнозаводской школы у исследователей нет единого мнения — одни начинают отсчет с 1724 г., другие считают датой ее открытия 1728 г.⁷, но в любом случае Нерчинская горнозаводская школа — первая профессиональная школа на Дальнем Востоке.

Разногласия существуют и по времени появления первой на Дальнем Востоке навигацкой школы. Часть авторов увязывает это событие с 1732 г., другие относят его к 1740 г.⁸, однако все единодушны в том, что история возникновения навигацких школ в Сибири и на Дальнем Востоке начинается с русских экспедиций XVIII в., направленных на утверждение России на Тихом океане. Благодаря этому обстоятельству навигацкие школы появились в первой половине XVIII в. в Охотске, Иркутске, Нерчинске и Якутске.

Идея учреждения морского образования на восточной окраине России принадлежала В.И. Берингу. В декабре 1730 г. будучи в Петербурге после окончания Первой Камчатской экспедиции (1725—1730) он подал докладную записку в правительство с предложениями по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки в связи с деятельностью Первой Камчатской экспедиции, среди которых, в частности, отмечал необходимость подготовки кадров для флота «из молодых казачьих детей», которые могли бы проходить практику на местных линиях. «И ежели б оное учинилось, — писал он, — то б отсель (из Петербурга. — С.Б.) отсылать не надобно, и на всякое судно довольно 12 или 15 человек для науки»⁹. Сенат одобрил предложения Беринга и принял решение об организации Второй Камчатской экспедиции (1733—1743).

В помощь экспедиции и для развития Охотско-Камчатского края признавалось необходимым организовать самостоятельное Охотское правление и построить в Охотске порт — морскую базу России на Тихом океане. Начальником Охотского порта Сенат назначил «птенца гнезда Петрова» Г.Г. Скорнякова-Писарева, отбывавшего ссылку в 700 км от Якутска в результате сфабрикованного в 1727 г. А.Д. Меньшиковым «дела А.М. Девиера». Соответствующий именной указ императрицы Анны Иоанновны последовал 10 мая 1731 г., а 30 мая того же года Сенат утвердил инструкцию для начальника Охотского порта.

Параграф 23 инструкции предписывал, чтобы в Охотске «...хотя б и нарочную школу, не для одной грамоты, но и для цифири и навигации завести тебе, Писареву, и жалование малое для содержания школьников выдавать, из чего могут люди к службе знающие возрастать, а не дураками оставаться»¹⁰.

На наш взгляд, навигацкая школа в Охотске не могла быть открыта в 1732 г., так как лишь в октябре 1735 г. Скорняков-Писарев прибыл в Охотск, в котором насчитывалось тогда 11 дворов и около 30 жителей¹¹. С этого времени реально началось строительство Охотского порта и нового острога. Однако факт открытия школы связывается с именем его преемника А.М. Девиера, который с 1727 г. и до перемещения в Охотск в 1740 г. отбывал ссылку в Мангазее. Девиер начал активную застройку города. В 1741 г. в Охотске уже было 73 частных дома, торговые ряды, складские помещения, мастерские и кузницы, судостроительная верфь, казармы, административный центр, где располагалась Охотская канцелярия, церковь и др., возросло количество жителей¹².

Документально подтвержденные данные об открытии навигацкой школы относятся к 1740 г.¹³ Именно с этого года в ней начались занятия.

Второе детище В.Й. Беринга — Якутская навигацкая школа — открылась в 1736 г. Предполагалось, что в школе будут обучаться дети казаков, но в течение трех лет там не появилось ни одного ученика¹⁴. Почему так случилось, не ясно. Возможно, причина в специфике менталитета жителей Якутска, достаточно далеко расположенного от моря. Фактически Якутская навигацкая школа начала работать с 1739 г., когда советник Адмиралтейств-Коллегии Ларионов, прибывший в Якутск по делам Второй Камчатской экспедиции, невзирая на протесты родителей, насильно заставил посещать школу всех казачьих детей в возрасте от 6 до 15 лет (110 чел.). Учитывая этот факт, первым учреждением морского образования на Дальнем Востоке, видимо, следует считать не Охотскую, а Якутскую навигацкую школу.

Программа обучения указывает на начальный уровень образования в первых навигацких школах. До середины 50-х годов XVIII в. постоянных учителей школы не имели, их должности исполняли случайные люди. Учителем в Якутскую навигацкую школу Беринг рекомендовал отбывавшего ссылку в Иркутске протонотариуса юстиц-коллегии Гейденрейха, Девиер — Я. Самгина, попа-растригу, которого он считал человеком «...весьма того достойного и в учении искусного»¹⁵.

Вероятно, Гейденрейх преподавал до 1741 г. А.С. Сгибнев с этой датой связывает такие события, как экзамен 110 учащихся, из которых Гейденрейх смог отобрать лишь 25 способных, по его мнению, к обучению навигации, как выплата ему всего лишь половины задолженности по заработной плате, ссора с Ларионовым, после которой он сложил с себя обязанности учителя. Вместо него пригласили преподавать специалистов-практиков, находившихся в то время в Якутске, но поскольку им жалованья тоже не платили, то в 1746 г. школа прекратила работу.

Незаинтересованность администрации Якутска в навигацкой школе была вполне очевидна. Негативную роль в сложившейся вокруг школы ситуации сыграло и завершение Второй Камчатской экспедиции, а также связанное с этим ослабление интереса к школе со стороны центральных властей. На протяжении почти двадцати лет о Якутской навигацкой школе вообще не упоминали.

Что же касается Охотской навигацкой школы, то летом 1742 г. Девиер и Самгин покинули Охотск. Вопрос о том, кто преподавал в школе и был ли вообще там учитель, оставался невыясненным вплоть до середины 50-х годов. Достоверно известно только то, что во время пребывания в Охотске духовной миссии И. Хотунцевского (июнь 1744 — август 1745 г.) школьным учителем был сотрудник миссии Дм. Камшигин¹⁶. В то же время с закрытием школы в Якут-

ске Охотская навигацкая школа почти 10 лет оставалась единственным учебным заведением, которое подготавливало кадры морских специалистов.

Ситуация изменилась с приходом на пост губернатора Сибири морского офицера В.А. Мятлева. Майским указом 1755 г. он предписал иркутскому вице-губернатору Вульффу в обязательном порядке снабдить школу учебниками по математике и необходимыми для изучения навигации учебными пособиями: аспидными досками, логарифмами, «картами меркаторскими и плоскими», циркулями и квадрантом. Администрация порта получила задание подготовить десять штурманов¹⁷. С этого момента Охотская школа начала строить свою работу как навигацкая.

С 1756 по 1758 г. курсантов обучали штурманы из Охотска и пять выпускников Иркутской навигацкой школы. Практика привлечения профессионалов морского дела к преподаванию специальных дисциплин не прерывалась.

Убежденный сторонник идеи подготовки в Сибири своих штурманов В.А. Мятлев инициировал открытие еще двух навигацких школ. В июле 1753 г. он представил в правительство доклад, где изложил проект возобновления Камчатской экспедиции* и строительства в устье Амура крепости и судостроительной верфи¹⁸. Попутно он продвигал в Сенате прошение об открытии в Нерчинске и Иркутске навигацких школ, чтобы решить на будущее проблему довольно дорогостоящей для региона присылки из центра штурманов и геодезистов, потребность в которых постоянно возрастала. Тем более, что помимо топографических съемок и составления соответствующих карт геодезистов стали привлекать и к решению задач хозяйственного развития региона.

По рекомендации Мятлева подготовку Нерчинской секретной экспедиции возглавил Ф.И. Соймонов, отбывавший в начале 40-х годов ссылку в Охотске «по делу А.П. Вольнского». Учитывая профессиональные знания и опыт Соймонова, Сенат без проволочек одобрил его кандидатуру. Навигацкие школы он открыл в 1754 г., лично опекал оба учебных заведения и почти два года преподавал в Нерчинской школе.

В августе 1756 г. его сменил «подмастерье в поручичьем чине» А. Юсупов. Он принял от Соймонова 35 учеников, уровень подготовки которых был весьма низок. Лишь один из них учился арифметике, а остальные — только чтению и письму. Через год в школе благодаря стараниям Юсупова было уже 59 курсантов.

В марте 1757 г. Ф.И. Соймонов получил назначение на должность генерал-губернатора Сибири и покинул Нерчинск. По мнению А. Сгибнева, после отъезда покровителя школа стала приходить в упадок¹⁹. В качестве доказательства приводится поведение Юсупова, который по свидетельству современников, умел хорошо учить, но скомпрометировал себя пьяными загулами. Соймонов, не желая терять специалиста, решил дать Юсупову шанс: в марте 1759 г. отозвал его в Иркутск и назначил преподавателем в Иркутскую навигацкую школу. В Нерчинской школе его заменил преподаватель из Иркутской навигацкой школы И. Бритов. Несмотря на пагубное пристрастие, Юсупов был хорошим профессионалом. В 1760 г., когда Нерчинская навигацкая школа сделала очередной выпуск, 15 из подготовленных в свое время им курсантов получили назначения на должности геодезистов в Нерчинское заводское управление²⁰. Такое распределение специалистов может, в частности, свидетельствовать

* В конечном итоге экспедиция стала называться Нерчинской секретной экспедицией. Мероприятие предполагалось быть долговременным. В рамках Нерчинской секретной экспедиции планировалось создание в Нерчинске речной флотилии, изучение устья Амура, строительство здесь порта и последующее изучение Тихого океана. По ходу экспедиции нужно было сделать геодезическое описание рек Ингоды, Аргуни, Шилки, Амура, Нерчи и Онона, составить карты, дать описание и оценку лесов, пригодных для строительства судов в бассейнах этих рек.

в пользу того, что школа довольно удачно вписалась в народнохозяйственный комплекс территории.

Решение о закрытии в 1765 г. школы в Нерчинске было принято под давлением центральных властей. Известно, что одной из предполагавшихся задач экспедиции был осмотр фарватера Амура, но Китай не дал России разрешения на пользование Амуром, и отношения между державами обострились. В связи с этими событиями Нерчинская секретная экспедиция в 1764 г. переводится в Иркутск, а в 1765 г. вообще упраздняется²¹. Упраздняется и Нерчинская навигацкая школа как составная часть экспедиции. Она соединяется с Иркутской навигацкой школой. В конце августа 1765 г. Бриттов, выполняя предписание иркутского губернатора, вынужден был сдать имущество школы Нерчинской воеводской канцелярии, а сам с 39 курсантами, книгами и оборудованием переехать в Иркутск.

С октября 1765 г. Иркутская навигацкая школа начинает функционировать уже как объединенное учебное заведение, директором которого спустя некоторое время стал Бриттов. После его смерти в 1770 г. руководство школой возглавил участник Нерчинской секретной экспедиции М. Татаринев, который за 29 лет своего поистине подвижнического труда сделал пять выпусков курсантов. Выпускники работали на самых актуальных направлениях освоения региона и в европейской части страны — геодезистами и горными инженерами в Нерчинском заводууправлении, штурманами и шкиперами в Кронштадте, на судах в Охотске и судах Российско-Американской компании, служили драгунами, казаками, шесть лучших курсантов выпуска 1768 г. были направлены в экспедицию П.К. Креницына — М.Д. Левашова и др.²²

Среди выпускников Иркутской навигацкой школы был известный мореход Г.Г. Измайлов (1745—1795 гг.), сделавший открытия в Русской Америке. Его профессиональные качества высокого оценил Дж. Кук²³. Выпускник 1771 г. штурман С. Бронников участвовал в Северо-Восточной экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева. Он выделялся как самостоятельный исследователь, сыгравший заметную роль в экспедиции²⁴.

Плодотворная работа Иркутской навигацкой школы продолжалась даже после ликвидации Нерчинской секретной экспедиции. Иркутский губернатор А.И. Бриль, болевший за дела вверенной ему территории, лично ходатайствовал перед Сенатом в пользу школы. В отправленной правительству в начале декабря 1768 г. информации он постарался как можно убедительнее изложить свои доводы и добился решения Сената не закрывать навигацкую школу в Иркутске. Его преемник Ф.Г. Немцов также сумел поладить с центральными властями и добился в 1777 г. увеличения штата учеников до 40 чел.²⁵

60—70-е годы были благоприятны и для работы Охотской и Якутской навигацких школ. Благодаря заботам администрации порта школа в Охотске процветала. С 1764 г. были увеличены стипендии курсантам, так же, как и в горнозаводских школах, учащиеся получали от казны продуктовые пайки.

В 1766 г. возобновила работу Якутская навигацкая школа. Был сделан набор 40 учеников из дворянских и казачьих детей, преподавателем назначен штурманский ученик Турчанинов, который, несмотря на обвинения в его адрес в недостатке квалификации, все же смог достаточно хорошо обучить хотя бы некоторых из курсантов. Так, курсанты из казачьих семей Н. Мухоплев и В. Олесов стали квалифицированными навигаторами. Известно, что Мухоплев в звании штурманского ученика успешно командовал судном «Св. Михаил» купца А. Холлодилова во время коммерческой экспедиции 1780—1786 гг., а Олесов был штурманом в экспедиции А. Лаксмана в Японию в 1792—1793 гг. и по итогам экспедиции «...высочайше пожалован чином прапорщика» с соответствующим тому жалованием²⁶.

С начала 80-х годов XVIII в. в морском образовании начинается полоса кризиса. Так, после передачи в 1783 г. Якутской навигацкой школы в ведение иркутского Приказа Общественного Призрения ее финансирование было прекращено. Последовавшие за этим при генерал-губернаторе Якоби семь лет совершенно бесплодной переписки вынудили преемника последнего сделать в 1791 г. срочный выпуск, а в 1792 г. окончательно свернуть работу Якутской навигацкой школы²⁷.

Трудности в работе Иркутской навигацкой школы начались в 1784 г. после смерти Татаринова, достойную замену которому оказалось найти сложно. В 1787 г. губернатор Якоби видел, что школа «была близка к пресечению наук». Наборы в школу были прекращены, а усилия администрации сосредоточились на распределении выпускников.

Причина упадка школы кроется также во введении Устава 1786 г., который местные власти предпочитали толковать по-своему. Считая, что навигацкие школы в Сибири не нужны, они почти 10 лет пытались всячески репрофилировать Иркутскую навигацкую школу. С 1795 г. и вплоть до закрытия в 1835 г. она функционировала в составе разных общеобразовательных учебных заведений (Главного народного училища, женской гимназии и др.)²⁸.

Охотскую навигацкую школу курировал в 80-х годах коллежский асессор Бензинг, который решил придать ей общенародный характер в духе Устава народных училищ 1786 г. Контингент учащихся школы расширился за счет малолетних детей из казачьих, солдатских и офицерских семей, семей служителей, сирот и незаконнорожденных. Число учащихся достигло 123 чел., но навигацию изучали только 20²⁹. Бензинг первым поставил вопрос о правомерности существования Охотской навигацкой школы как учреждения, ориентированного только на подготовку морских специалистов и игнорировавшего потребности других ведомств в грамотных кадрах.

Споры о дальнейшей судьбе школы обострились в конце 80—90-х годов, и пока чиновники пытались определиться с ее статусом, учебное заведение пришло в упадок. А. Сгибнев считал, что в бедах навигацкой школы были виноваты начальники Охотского порта, назначаемые из армейских офицеров, а также незаинтересованность высших администраторов региона и некоторых членов правительства в функционировании навигацкой школы, рекомендовавших ее закрыть³⁰.

С началом реформы Александра I работа школы наладилась. С 1807 по 1822 г. благодаря самоотверженной поддержке начальников Охотского порта капитан-лейтенанта М.И. Миницкого, князя А.Е. Шаховского и капитан-лейтенанта В.Г. Ушинского она успешно работала и делала регулярные выпуски. Так, курсанты-выпускники 1811 и 1812 гг. распределились штурманами на суда местных линий, 5 чел. пошли на шлюпе «Диана» вместе с В.М. Головниным.

Преемники Ушинского начали «экономить» на школе, регулярно изымая из ее бюджета различные суммы. В 1831 г. начальник порта капитан З.З. Балк на запрос иркутского губернатора о состоянии школы доносил, что собственно навигацкой школы в Охотске уже не существует, а есть училище для «детей всех сословий»³¹. Тем не менее Охотская навигацкая школа продолжала работать. В 60-е годы XIX в. она располагала довольно скромными средствами, но все-таки делала небольшие выпуски.

Таким образом, из четырех навигацких школ, открывавшихся целенаправленно под конкретные экспедиции, только Иркутская и Нерчинская смогли выполнить задачу, поставленную вначале — подготовить местные кадры для нужд экспедиции. В самой идее создания в регионе навигацких школ под конкретные экспедиции прослеживается узко-прагматический подход, который в конечном итоге отрицательно сказался на их дальнейшей работе. С завершением

экспедиций финансирование последних автоматически прекращалось и бремя по содержанию школ перекладывалось на плечи местных властей, у которых зачастую не было ни денег на их содержание, ни интереса к ним. Данные о распределении выпускников свидетельствуют о том, что эти школы снабжали специалистами не только морское, но и другие ведомства. Несмотря на малое число навигацких школ, значение их в истории Дальнего Востока состояло в том, что они подобно горнозаводским школам заложили основу новой образовательной системы и оказали положительное воздействие на развитие производительных сил региона, едва затронутого экономическим и культурным прогрессом.

Специфика освоения территорий в зоне тихоокеанской России, где инородческое население преобладало над русским, обусловила активное участие Русской православной церкви в просветительской деятельности. Посылка Духовных миссий и обращение коренных народов в христианство стали неотъемлемой частью политики по освоению окраин Российской империи. Заметный след в истории образования оставили Третья духовная миссия И. Хотунцевского на Камчатке (с 1744 г.) и Первая духовная миссия Иоасафа в Русской Америке (с 1794 г.).

Камчатка стала первой в истории Дальнего Востока территорией, где апробировались миссионерские школы. В период с 1745 по 1761 г. здесь работало 14 школ (около 300 учащихся) и одна школа была дополнительно открыта миссией на Курильских островах³². Обязанности учителей исполняли члены миссии. По типу данные учебные заведения напоминали архиерейские школы времен Петра I, но отличались от них разнородным и многонациональным составом учеников. Из-за дефицита служителей культа миссионерские школы на Камчатке наряду с распространением христианства решали также задачу подготовки кадров священнослужителей.

Исследователи дают довольно противоречивые характеристики главе миссии Иосифу Хотунцевскому. Благородные порывы, самопожертвование, титаническое трудолюбие и преданность идее сочетались в нем с непримиримостью и даже жестокостью по отношению к уклонявшимся от крещения или недостаточно стойким в вере. В связи с этими фактами некоторые исследователи хотя и признают вклад И. Хотунцевского в развитие школьного дела на Камчатке, но не считают его истинным просветителем коренных народов³³. Тем не менее созданные им школы решали не только религиозные, но и просветительские задачи. Они оказали положительное влияние на культурное развитие этой отдаленной части империи, готовя из аборигенов Камчатки грамотных людей, в том числе и учителей. Учителя Т. Уваровский, И. Чечулин, А. Павлуцкий, К. Мерлин были представителями коренных народов Камчатки.

Расцвет школьного дела на Камчатке приходится на начало 60-х годов XVIII в. В сенатском указе от 15 января 1764 г. одобрялась деятельность школ, отмечалось, что их воспитанники становятся учителями, поступают и «в иные светские службы». Предписывалось учителям и ученикам этих школ обеспечивать по образцу гарнизонных за счет камчатских доходов и экономии³⁴.

В то же время история Камчатки XVIII в. наполнена фактами коррупции, взяточничества, насилия, пьянства, произвола и профессиональной некомпетентности местной администрации. Несмотря на рекомендации Сената, местная администрация проявляла полное равнодушие к миссионерским школам, посягала на их имущество, расхищая предписанное январским 1764 г. указом казенное содержание учеников и учителей³⁵. Эпидемия оспы в 1768—1769 гг. и вызванный ею голод 1770 г., опустошившие Камчатку, поставили образовательную сеть чуть ли не на грань краха. По сведениям А.С. Сгибнева, в живых остались 1333 камчадала, из них 477 детей³⁶.

Благодаря усилиям нового правителя капитана Нилова на Камчатке все-таки удалось сохранить 10 школ, которые посещали почти 190 учеников³⁷. Однако в 1771 г. во время мятежа ссыльного конфедерата М. Беньовского Нилов был убит и приостановленное им разрушение школьной сети возобновилось.

К 1774 г. на Камчатке осталось всего 6 школ, к 1779 г. — 4 школы с 40 учениками, в 1783 г. работала только одна, но вскоре и она закрылась³⁸. Образование в рамках миссионерских проектов возобновилось в регионе в 1794 г., но не Камчатке, а в Русской Америке с открытием миссионерской школы на о-ве Кадьяк.

Автор историко-статистического описания камчатских церквей протоиерей П. Громов помимо объективных причин катастрофы камчатских школ указывает на субъективный фактор, которой считает решающим. Он называет прямыми виновниками закрытия носила правителей Камчатки Извекова, Хметевского, Бема и Рейнеке. «Наперекор сему благодетельному распоряжению (Указ Сената от 15 января 1764 г. — С.Б.) первые пошли Извеков и Хметевский, которых действия, впрочем, были более следствием нетрезвого и буйного поведения, чем обдуманности. Но Бем начал действовать против школ уже умышленно. С выездом Рейнеке ни одной не осталось... с сего времени совершенно исчезает и школа курильская»³⁹.

Вместо закрытых миссионерских школ для аборигенов правитель Камчатки К.М. Бем открыл четыре полковые школы в Большерецке, Верхне- и Нижне-Камчатске и в Тигильской крепости⁴⁰. Вряд ли эти школы можно считать полноценной заменой закрытым, так как дети аборигенов в них не учились. К тому же работа полковых школ носила временный характер: с перемещением гарнизона с территории уходила и школа. Можно предположить, что и сроки работы таких школ были довольно короткими, так как есть сведения, что в Нижне-Камчатском гарнизоне в 1803 г. снова открыли полковую школу⁴¹. Она имела ограниченный контингент учащихся, но светские власти не пожела ли обременять себя заботами даже о них, и в 1817 г. школу закрыли⁴².

Организация Российско-Американской компании (РАК) и расширение ее деятельности способствовали превращению Камчатки в транзитный пункт для судов компании, следовавших в Русскую Америку. Дефицит специалистов для их обслуживания и выполнения коммерческих операций подтолкнул местную администрацию к решению открыть в 1817 г. в Петропавловске ремесленную школу. Она функционировала почти 30 лет, вплоть до 1846 г., когда из-за ведомственных разногласий по поводу финансирования ее закрыли⁴³.

В 1844 г. была открыта сельскохозяйственная школа в с. Милькове. Профессиональных преподавателей в школе заменяли практики производства. Основам сельскохозяйственных знаний обучал агроном Кегель, кожевенное и мыловаренное дело преподавали мастера из переселенцев⁴⁴. Школа работала всего три года. Попытки восстановить ее работу, несмотря на предписания генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, не дали положительного результата.

Наиболее удачным проектом было открытие Камчатским духовным правлением (1820) в Петропавловске духовного училища. Социальный состав учащихся указывает на то, что данное учебное заведение не было в строгом смысле словным учреждением, и, судя по сокращенным срокам обучения и перечню изучавшихся дисциплин, оно соответствовало уровню приходской школы. На местную специфику указывает и тот факт, что чтению, письму, грамматике и арифметике обучали флотские офицеры, а церковные дисциплины преподавали лица духовного звания. С 1834 г. церковные дисциплины в училище преподавал настоятель кафедрального собора в Петропавловске, воспитанник Московской духовной академии, протоиерей П. Громов. Обучение шло по классно-поурочной системе. Внутренняя жизнь училища регламентировалась

Уставом и контролировалась надзирателями⁴⁵. Ко времени упразднения духовного училища в 1844 г. и слияния с открытой в Новоархангельске духовной семинарией итоги его работы выглядели неплохо: подготовлены 122 воспитанника (7 детей заезжего духовенства, 49 разночинцев и 66 — духовного Камчатского ведомства)⁴⁶.

С закрытием такого крупного учебного заведения, как духовное училище, материковая часть региона, по сути, перестала играть серьезную роль в развитии школьного дела. Постоянно функционировали разрозненные очаги образования. В 1852 г. в Петропавловске открыли морское училище и школу кантонистов. Во время Крымской войны они были перемещены в Николаевск-на-Амуре в связи с эвакуацией всей камчатской администрации⁴⁷. Продолжали работать горнозаводские школы и навигацкая школа в Охотске, которая выжила только потому, что пользовалась помощью морского порта, где имелись более или менее грамотные и практически опытные кадры мореходов.

Оживление наметилось с началом казачьей колонизации Амура, благодаря которой на материке в поселениях Амурской конной казачьей бригады начали открываться общеобразовательные учебные заведения. В 1860 г. работали 25 школ (545 учеников), в 1863 г. их стало 28 (633 учеников)⁴⁸. Казачьи школы делились на сотенные и станичные и подчинялись военному ведомству. Кроме этого, открывались школы в отдельных родах войск: бригадная школа в Благовещенске с 10 учениками, школа при линейной батарее с 22 учащимися и школа при линейном батальоне с 59 учащимися⁴⁹. Гражданских учебных заведений не было. Казна не видела смысла тратить на их открытие, так как собственное гражданское население было очень мало, ни заводской, ни фабричной промышленности в области не существовало. Таким образом, формировавшаяся здесь образовательная сеть отражала специфику колонизации юга Дальнего Востока.

Первые школы в Русской Америке были открыты главами купеческих промысловых компаний — Г.И. Шелиховым (о-в Кадьяк) и П.С. Лебедевым-Ласточкиным (Кенайский залив) в конце 80-х годов XVIII в. Обязанности преподавателей исполняли грамотные участники промысловых экспедиций. В школах учились мальчики — дети тойонов (вождей) и сироты из числа местных жителей. Их обучали русскому языку и счету.

После прибытия в Русскую Америку в 1794 г. Первой духовной миссии во главе с архимандритом Иоасафом дело организации образования перешло в руки православной церкви. Источники свидетельствуют, что первые успехи миссии были довольно скромными. Если в школе Шелихова учились 25 мальчиков-аборигенов, то в школе миссии было 15 учеников, креолов (потомки от смешанных браков местных женщин с русскими), хорошо владевших русским языком. Местные жители — конягмиуты в школе не учились. Из восьми миссионеров преподавал только один, в то время как в миссии Хотунцевского — все.

Объяснение малой эффективности деятельности миссионеров на Кадьяке, видимо, следует искать в существовавшем языковом барьере. Миссионеры не знали языка конягмиутов и не стремились его изучать. В 1802 г. руководство РАК отстранило миссионеров и взяло дело образования в русских колониях в свои руки, назначив школьным учителем, как в старые добрые времена, промышленника Юдина⁵⁰.

Новый импульс работе школы придали иеромонах Гедеон и Н.П. Резанов, прибывшие в Русскую Америку в составе первой кругосветной экспедиции на корабле Ю.Ф. Лисянского «Нева». Согласно предписанию Н.П. Резанова Кадьякской конторе РАК от 6 августа 1805 г. Гедеон преобразовал компанейскую школу в двухклассное училище, чтобы готовить специалистов, необходимых для жизнеобеспечения колоний и деятельности Российско-Американской

компаний⁵¹. У него училось 150 чел., и до своего отъезда в 1807 г. он успел сделать два выпуска.

Гедеон первым начал решать проблему адаптации ортодоксального православия к традиционным культурам посредством переводов молитв на языки коренных жителей. В дальнейшем двуязычие стало фундаментальным принципом образовательной системы и успешно применялось православными миссионерами. Он также занимался решением кадровой проблемы, начав готовить учителей непосредственно в Русской Америке.

С открытием в 1808 г. Главным правителем А.А. Барановым школы для мальчиков в столице Русской Америки центр образования переместился в г. Новоархангельск на о-ве Ситха⁵². Первоначально в ситхинской школе учились 15 мальчиков, к 1821 г. количество учеников удвоилось⁵³.

Компанейское училище на Кадьяке утратило лидирующие позиции, однако в истории Русской Америки оно оставило заметный след. По признанию современников, многие его выпускники, преимущественно креолы, работали бухгалтерами, «содержателями магазинов», приказчиками, водили корабли компании, были искусными ремесленниками и отличными мастерами.

С 1802 г., когда Н.П. Баннер (жена правителя конторы компании на Кадьяке И.И. Баннера) открыла первую женскую школу в Павловой Гавани, известную в источниках как «воспитательный дом для девушек», в регионе было положено начало женскому образованию. В школе Баннер учились 10 девушек-сирот из креолок, которые осваивали грамоту и «рукоделия»⁵⁴. Ф.П. Врангель отмечал, что без перерыва школа проработала два года⁵⁵. После смерти Н.П. Баннер в 1804 г. в функционировании данного учебного заведения, похоже, наступил перерыв («девушки разошлись»). По инициативе Н.П. Резанова работа школы была восстановлена в виде «сиропитательного дома во имя Марии» «...для призрения девиц, сирот-креолок на Кадьяке»⁵⁶. Известно, что на 1825 г. в этом учебном заведении было 6 учениц и штатная смотрительница⁵⁷.

В 1805 г. Н.П. Резанов пытался открыть аналогичную женскую школу на о-ве Уналашка, но реально школа стала работать с 1827 г. при Главном правителе Русской Америки П.Е. Чистякове⁵⁸.

По сложившейся традиции работа учебных заведений в Русской Америке осуществлялась за «счет капитала благотворительных заведений» Российско-Американской компании⁵⁹. На ее средства строились помещения для школ, покупались топливо и свечи, оплачивался труд преподавателей и служителей, учащиеся обеспечивались питанием, одеждой, постельными принадлежностями, учебной литературой и пособиями. Иногда школы получали частные пожертвования. Так, Баранов делал благотворительные взносы личными акциями и довольно значительными денежными суммами для женской школы на Кадьяке и школы на о-ве Ситха⁶⁰.

К середине 20-х годов XIX в. в Русской Америке сформировались основы европейской образовательной системы. Школы работали стабильно, апробировался билингвистический принцип обучения. Типичной трудностью тех лет являлся острый дефицит профессиональных преподавательских кадров. Однако развитие школьного дела шло по возрастающей, и поэтому в целом его можно считать достаточно успешным.

Со второй половины 20-х годов XIX в. в истории развития образования в Русской Америке открывается второй этап. На основании предписания правительства иметь в колониях необходимое количество священников, а также регулярно отпускать средства на их работу и содержание РАК начинает практиковать отправку в колонии профессиональных священников из «белого духовенства». Их набирали по контракту, который заключался на пять лет⁶¹.

В 1824 г. на о-в Уналашка прибывает И. Вениаминов, на о-в Кадык — Ф. Мордовский и в 1825 г. на о-в Атху — Я. Нецветов (по происхождению креол с Алеутских островов)⁶².

Значительную роль в развитии образования в этот период сыграли И. Вениаминов и Я. Нецветов, которые открыли по приходской школе и были в них учителями, распространяли и утверждали в учебной практике миссионеров билингвистический принцип обучения.

После поездки в 1839—1841 гг. в Санкт-Петербург И. Вениаминов добился решения о создании Камчатской епархии и был назначен ее главой (15 дек. 1840 г.). Вместе с о. Иннокентием в Русскую Америку прибыли 11 священнослужителей, из них наиболее отличились студент Духовной академии М. Озеров и воспитанник Иркутской семинарии И. Тыжнов. Озеров в декабре 1841 г. возглавил Новоархангельское духовное училище, а Тыжнов был послан на о-в Кадык для изучения языка коренных жителей (юпик залива Аляски).

17 декабря 1841 г. в Новоархангельске открылось Духовное училище, но рамки его образовательного стандарта, видимо, не совсем соответствовали планам преосвященного относительно развития миссионерского дела в Русской Америке. В 1843 г. он выдвинул проект открытия в епархии духовной семинарии, который в 1844 г. получил поддержку Синода⁶³.

С 1 декабря 1845 г. на базе Новоархангельского и Петропавловского духовных училищ начала работать Духовная семинария. Ее бессменным директором стал бывший глава миссии на о-ве Кадык П.С. Литвинцев. В целом факт открытия духовного учебного заведения повышенного типа оценивается положительно, но так как это событие произошло за счет ликвидации Петропавловского духовного училища, то некоторые исследователи отмечают, что оно негативно сказалось на развитии образования на Камчатке⁶⁴.

По срокам и программе обучения духовная семинария в Новоархангельске соответствовала уровню такого типа учебных заведений в России. Четыре года воспитанники изучали цикл общеобразовательных дисциплин уездных и приходских училищ, а в последние шесть лет — собственно семинарские дисциплины. Вместо иностранных языков, которые обычно преподавались в семинариях России, изучали языки коренных жителей Русской Америки. В соответствии с изменениями, введенными в 1840 г. в учебные программы, в Новоархангельской семинарии начали изучать основы медицинских знаний и различных ремесел (столярного, портновского, сапожного и др.)⁶⁵. Преподавал весь причт Новоархангельского кафедрального собора сам Литвинцев, священники А. Милорадовский и Н. Омофоровский, пономарь Е. Молчанов (креол, получивший образование в школе компании на Ситхе) и сын преосвященного Г. Вениаминов (с 1848 г. после окончания семинарии в Санкт-Петербурге)⁶⁶.

Деятельность семинарии современники единодушно оценивают как довольно успешную. В 1848 и 1849 гг. прошли первые экзамены, которые дали вполне удовлетворительные результаты, причем бывшие ученики Петропавловского училища имели успеваемость лучше уроженцев Русской Америки⁶⁷. Некоторые из семинаристов проявили особые способности. Так, один из учащихся старших классов настолько преуспел в живописи, что в течение 1849 г. написал более 60 икон для камчатских и американских церквей и мог других обучать этому искусству; другой семинарист занимался изучением языка индейцев тлинкитов, известных в русских источниках как «колоши»⁶⁸.

Национальный состав учащихся отражал предпочтения в подготовке священнослужителей: всего в семинарии было 55 учащихся, из них 33 — аборигены и креолы и 22 — русских⁶⁹.

В 1858 г. Духовная семинария в Новоархангельске закрылась в связи с переносом архиерейской кафедры в Якутск⁷⁰.

В 40—50-е годы в Ново-Архангельске мужское училище фигурировало в источниках как «мужская школа», а также была женская школа М. Этолиной, ученицы которой осваивали элементарную грамоту, Закон Божий и «разные рукоделия»⁷¹. По традиции выпускники мужского училища распределялись на службу в компанию, воспитанниц женской школы выдавали замуж или возвращали родителям. С конца 50-х годов эти учебные заведения уже позиционируются как «мужская и женская школа для воспитания сирот и детей рабочих». Понижение статуса мужского училища, видимо, следует объяснить началом работы в Ново-Архангельске с 1858 г. общеколониального училища для детей служащих РАК.

Первоначально это учебное заведение имело статус временного училища для детей служащих. В 1859 г. согласно «высочайшему утверждению» становится «Общим училищем Российско-Американских колоний». По категории оно приравнивалось к уездному и в таком статусе функционировало с 1860 г.⁷² Учились в нем дети гражданских служащих РАК и дети священников. Общеобразовательные дисциплины включали устный и письменный русский язык, чистописание, математику (арифметику, геометрию и стереометрию), географию, отечественную и всеобщую историю, черчение и рисование, Закон Божий; специализированные — бухгалтерию и коммерцию, расширенный курс математики, мореходную астрономию и навигацию, английский, немецкий языки; для детей духовенства преподавали старославянский язык, церковное пение и расширенный курс Закона Божьего⁷³.

В начале 1860-х годов в отчетах Российско-Американской компании зафиксировано еще одно женское учебное заведение — училище для дочерей служащих РАК, в котором 17 учениц изучали русский язык, арифметику, историю, географию, Закон Божий и традиционные для женских училищ «рукоделия»⁷⁴. Судя по программе обучения, его статус был выше, чем женской школы М. Этолиной.

Во всех церковноприходских учебных заведениях должности законоучителей исполняли приходские священники, они же обучали прихожан грамоте, преподавали Закон Божий в женских и мужских школах и в общеколониальном училище⁷⁵. В светских школах циклы общеобразовательных дисциплин читали гражданские преподаватели из общеколониального училища. Кадровый потенциал училища состоял из шести преподавателей и включал лиц духовного звания, специалистов из ведомства Министерства народного просвещения и служащих РАК⁷⁶. Две последние категории преподавателей составляли большинство.

Отмечается рост церковноприходских школ, хотя из отрывочных статистических данных точное количество их установить затруднительно. Согласно данным И. Вениаминова к 1840 г. в колониях было восемь приходских училищ для мальчиков и девочек, где обучалось более 150 учащихся⁷⁷. Исходя из того, что на конец 1850-х годов в Русской Америке уже было 9 приходских церквей и 35 часовен⁷⁸, возможно и некоторое увеличение приходских учебных заведений, хотя мы далеки от мысли напрямую увязывать их число с количеством церковных учреждений.

Школы в Русской Америке были общедоступны для всех желающих учиться, независимо от национальности или социального статуса. Грамотность среди подданных РАК получила довольно широкое распространение. По свидетельству И. Вениаминова, подавляющее большинство алеутов были грамотными⁷⁹.

Создание письменности на языках коренных народов Аляски занимает особое место не только в истории образования в регионе, но и в истории российской школы в целом. В 1826—1832 гг. И. Вениаминов в содружестве

с Я. Нецветовым и алеутским вождем И. Паньковым начал разработку алеутской письменности, сделал первые переводы текстов Катехизиса и Евангелий от Матфея и Луки с русского языка на алеутский. В 1834 г. была издана первая печатная книга на языке коренных жителей Аляски — алеутский Катехизис. В 1840—1845 гг. алеуты благодаря И. Вениаминову и Я. Нецветову уже имели на своем языке кроме Катехизиса и Евангелия Буквари, Священную историю, Деяния апостолов, Псалтырь и специально созданные поучения⁸⁰. Деяния и Псалтырь стали у них любимыми настольными книгами, а грамотность превратилась в новую культурную традицию.

В 1845 г. И. Тыжнов завершил создание словаря языка конягмиутов (юпик) и основных правил его грамматики, и с помощью Зырянова и Училищева осуществил переводы Катехизиса и Евангелия от Матфея. В 1848 г. на юпик изданы первые книги⁸¹. Шесть лет спустя, в 1854 г., начал переводить религиозные тексты на тлинкит и центральный юпик (язык эскимосов аглегмиутов и р. Квихпак)⁸².

В 1857 г. по ходатайству преосвященного Иннокентия Святейший Синод выделил средства на издание тунгусского словаря и Букваря, составленных охотским протоиереем С. Поповым, а также на издание грамматики и богословских книг на якутском языке, подготовленных особой комиссией под руководством протоиерея Хитрова⁸³.

В заключение отметим, что в истории образования в зоне тихоокеанской России прослеживаются два этапа: первый охватывает период с первой четверти и до конца XVIII в. Для него характерно появление очагов европейской системы образования в Забайкалье, на Камчатке, Охотском побережье и в Русской Америке. Пионерный характер освоения этих территорий, особый этнодемографический состав населения и удаленность от центральных районов России делали проблему обеспечения кадрами формировавшейся экономической и социальной инфраструктуры региона особенно острой, обусловив появление здесь в первую очередь профессиональных и миссионерских учебных заведений. Таким образом, образовательный комплекс изначально ориентировался на нужды развития территорий. В русском продвижении на восток преобладающую роль играло государственное начало, поэтому успехи или неудачи школьного строительства зависели от позиции центральных властей или местной администрации.

На втором этапе — 60-е годы — начало XIX в. — безусловным лидером образования становится Русская Америка. Мы считаем принципиальным тот факт, что в истории образования в Русской Америке доминировала частнопредпринимательская инициатива, а не государство. Благодаря тому, что школы в колониях содержались за счет частного капитала, они гораздо меньше зависели от предпочтений разного уровня властей и могли динамично развиваться. Отмечается стабильное увеличение количества учебных заведений, улучшение кадрового обеспечения сети образования, адаптация образовательных программ к нуждам жизнеобеспечения территории.

Русская Америка стала центром появления инновационных проектов в образовании: утверждение билингвизма как нормы обучения и нормы культурного развития, развитие женского образования.

Русская православная церковь сыграла первостепенную роль в самом блестящем культурном достижении тех лет — создании письменности на языках коренных народов Аляски, а затем и Дальнего Востока.

¹ Черкасов П., Чернышевский Д. История императорской России от Петра Великого до Николая II. М., 1994. С. 211.

² Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 82.

³ Там же. С. 81, 82.

- 4 Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России. XVIII в. — 30-е годы XX в. Барнаул, 2001. С. 68; История Дальнего Востока России в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М., 1991. С. 174.
- 5 Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири ... С. 82.
- 6 Там же. С. 83.
- 7 Там же. С. 80; Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России. С. 67.
- 8 Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России. С. 68; Геготаулина Л.А. Развитие просвещения на Камчатке (40-е гг. XVIII в. — 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. С. 17; Зуев А.С., Миненко Н.А. Секретные узники политических острогов: (Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск, 1991. С. 61; Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири // Морской сборник. Т. 87, № 11. Ч. 3. 1866. С. 11.
- 9 Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 95.
- 10 Там же. С. 99.
- 11 Сафонов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XVIII века. М., 1978. С. 187.
- 12 Алексеев А.И. Охотск — колыбель русского тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958. С. 57.
- 13 Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири. С. 11.
- 14 Там же. С. 7.
- 15 Там же. С. 7, 11.
- 16 По словам А. Сгибнева, Д. Камшигин преподавал в школе с 1753 г. Эта версия принята также и А.Н. Копыловым. На наш взгляд, более аргументированной выглядит точка зрения Г.Ф. Севильгаева, основанная на архивных данных; Севильгаев Г.Ф. Очерки истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л., 1972. С. 51; Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири... С. 68; Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири. С. 11.
- 17 Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири. С. 13.
- 18 Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. М.: Наука, 1989. С. 42—44.
- 19 Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири. С. 43.
- 20 Там же. С. 44.
- 21 Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 52.
- 22 Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири. С. 31.
- 23 Кук Дж. Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М., 1971. С. 395.
- 24 Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 298.
- 25 Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири. С. 32—34.
- 26 Русские экспедиции... С. 337, 362; Берх В.Н. Хронологическая история открытия американских островов или подвиги русского купечества. СПб., 1823. С. 111.
- 27 Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири. С. 10; Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири... С. 69.
- 28 Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири. С. 43.
- 29 Там же. С. 16.
- 30 Там же. С. 18—20.
- 31 Там же. С. 24.
- 32 Белашов А. Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии. Кн. I. XVIII век. Посев и всходы. Петропавловск-Камчатский, 2003. С. 169, 186.
- 33 Севильгаев Г.Ф. Очерки истории просвещения малых народов... С. 64; Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2005. Вып. 1. С. 62; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Л., 1935. С. 18.
- 34 Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири... С. 60.
- 35 Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке... С. 91.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири... С. 61; Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России. С. 101.
- 39 Протоиерей П. Громов. Историко-статистическое описание Камчатских церквей. Петропавловск-Камчатский, 2000. С. 62.
- 40 Белашов А. Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии. С. 193.
- 41 Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России. С. 104.
- 42 Там же. С. 106.
- 43 Геготаулина Л.А. Развитие просвещения на Камчатке... С. 20—21.

- ⁴⁴ История Дальнего Востока России в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — 1917 г.). М., 1991. С. 177.
- ⁴⁵ Витер И.В. Православная церковь на Камчатке в XIX в. // 300 лет Православия на Камчатке: Миссия церкви в прошлом и настоящем. М., 2005. С. 155.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Геготаулина Л.А. Развитие просвещения на Камчатке... С. 21.
- ⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 704, оп. 1, д. 11, л. 16; там же. Д. 26, л. 12.
- ⁴⁹ Там же. Д. 26, л. 12.
- ⁵⁰ Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979. С. 243.
- ⁵¹ Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799—1815. М.: Наука, 1994. С. 134.
- ⁵² Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя российских колоний в Америке. СПб., 1835. С. 123.
- ⁵³ Русская Америка в неопубликованных записках... С. 246; Ново-Архангельск. Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. М.: Наука, 1985. С. 209.
- ⁵⁴ Федорова Т.С. Женщины в Русской Америке // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. — 1867 г.). Владивосток, 2001. С. 92.
- ⁵⁵ Русская Америка в неопубликованных записках... С. 242.
- ⁵⁶ К истории Российско-Американской компании: сб. док. Красноярск, 1957. С. 36.
- ⁵⁷ Русская Америка в неопубликованных записках... С. 35, 37.
- ⁵⁸ Федорова Т.С. Женщины в Русской Америке. С. 92.
- ⁵⁹ Ново-Архангельск. Русская Америка... С. 101.
- ⁶⁰ Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... С. 62, 200.
- ⁶¹ Якимов О.Д. Николай Милитов — игумен кенайской православной миссии // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. — 1867 г.). Владивосток, 2001. С. 209.
- ⁶² Вениаминов И. Состояние православной церкви в Российской Америке // Журн. Министерства народного просвещения. 1840. Ч. 26. Отд. 5. С. 24—25.
- ⁶³ Кириллов А. Высокопреосвященный Иннокентий, первый архиепископ Камчатский. Благовещенск, 1897. С. 112.
- ⁶⁴ Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке... С. 113.
- ⁶⁵ Мамышев В.С. Американские владения России // Библиотека для чтения. 1855. Т. 30, № 2. С. 256.
- ⁶⁶ ГААО. Ф. 4-и, оп. 1, д. 89, л. 3—11; Барсуков И. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. 1828—1855. СПб., 1857. Кн. 1.
- ⁶⁷ Мамышев В.С. Американские владения России. С. 257; Барсуков И. Письма Иннокентия... С. 189, 190.
- ⁶⁸ Мамышев В.С. Американские владения России. С. 260; Барсуков И. Письма Иннокентия... С. 408—409.
- ⁶⁹ Отчет Главного правления Российско-Американской компании за один год, по 1 января 1846 г. СПб., 1846. С. 41.
- ⁷⁰ Отчет Российско-Американской компании за 1859 год. СПб., 1860. С. 55.
- ⁷¹ Там же. С. 4; Мамышев В.С. Американские владения России. С. 260; Отчет Главного правления Российско-Американской компании за один год, по 1 января 1849 г. СПб., 1849. С. 30.
- ⁷² Отчет Российско-Американской компании за 1862 год. СПб., 1865. С. 19, 108.
- ⁷³ Там же. С. 19.
- ⁷⁴ Там же. С. 31.
- ⁷⁵ Отчет Российско-Американской компании за 1859 год. С. 52.
- ⁷⁶ Отчет Российско-Американской компании за 1862 год. С. 29—30.
- ⁷⁷ Вениаминов И. Состояние православной церкви в Российской Америке // Журн. Министерства народного просвещения. 1840. Ч. 26. Отд. 5. С. 50.
- ⁷⁸ Отчет Российско-Американской компании за 1857 год. СПб., 1858. С. 43.
- ⁷⁹ Отчет Российско-Американской компании за 1859 год. С. 56.
- ⁸⁰ Там же; Мамышев В.С. Американские владения России. С. 257.
- ⁸¹ Барсуков И. Письма Иннокентия... С. 153; Краусс М.Э. Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 157.
- ⁸² Отчет Российско-Американской компании за 1859 год. С. 51, 56.
- ⁸³ Кириллов А. Высокопреосвященный Иннокентий, первый архиепископ Камчатский. Благовещенск, 1897. С. 33.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Svetlana Beloglazova “Formation of educational complex in the zone of the Pacific Russia” traces out the history of formation education in the Far East and in Russian America and introduces new data into scientific use.